

УДК 808.2-73

О. И. Ревуцкий

**АНТРОПНО-МЕТАФОРИЧНЫЕ ТЕКСТЫ
С НЕСКОЛЬКИМИ ПЕРСОНИФИЦИРУЕМЫМИ РЕФЕРЕНТАМИ**

Исследуются русские поэтические тексты, основанные на персонификации нескольких объектов. Выявляются направления метафоризации, описываются текстотипы и жанротипы.

Введение

Настоящая работа посвящена выявлению особенностей метафорического моделирования русских поэтических текстов, основывающихся на антропной метафоре (метафоре-олицетворении). Такое исследование проводится в русле более общей проблемы – моделирование реальности в текстах, в основу которых положены разные тропы: метафоры антропного и неантропного характера, удвоение значений, каламбур и др. В качестве общей гипотезы выдвигается положение о том, что метафорическое текстообразование носит системный и моделированный характер и находит выражение в наличии подмножеств текстов, характеризующихся семантической общностью исходной сферы и сферы-источника и имеющих сходный характер метафорической проекции, т. е. структурирования исходной сферы по образцу сферы источника [1, 73].

Исследования поэтических текстов, соответствующих критериям троповости, представляют интерес для стилистики русской поэзии, теории поэтического языка и текста. Они могут способствовать более глубокому познанию когнитивной базы русского поэтического метафоротворчества, механизмов развёртывания и усложнения антропной метафоры в системе поэтического дискурса.

Предметом данной статьи являются антропные метафорические тексты с несколькими объектами, что предполагает решение ряда дополнительных задач, в частности выяснение того, какие именно объекты и каким образом участвуют в моделировании «человеческих» отношений и ситуаций совместной деятельности, в чём заключается специфичность моделей их метафорического развёртывания по сравнению с текстами, где персонификации подвергаются одиночные референты или референты, объединяемые по парному принципу.

Результаты исследования и их обсуждение

Предпринятый анализ осуществляется на материале текстов-олицетворений, выбранных из сборников произведений русских поэтов XX в., у которых приём персонификации является стилеобразующим. Из общего количества текстов (более пятисот) около 20% составляют такие, в которых персонификации подвергаются множества референтов. Это можно объяснить преобладающей в данной сфере тропического текстообразования установкой на широту и масштабность изображения (не отдельных атрибутов природы, а целых картин с обилием разнородных зрительно воспринимаемых деталей). Такая особенность исходной сферы метафоризации обуславливает и множественный характер метафорической экспансии, т. е. привлечение целых серий подвергающихся метафоризации лексических элементов, которые в совокупности передают разные человеческие ситуации.

Можно предполагать, что основу генерации подобных текстов составляют не столько отдельные объекты-нелица, у которых обнаруживается какое-либо сходство с людьми, сколько целостные образы принадлежащих сфере источника человеческих ситуаций. Именно они и определяют характер тропического развёртывания зоны «отталкивания».

Номинаторами объектов, которые образуют в текстах связанные функцией персонификации множества, являются элементы тех же тематических групп, которые регулярно используются в антропном метафоробразовании и выступают в качестве текстообразующих метафор единичного характера. В основном это наименования природных объектов: растений (*берёзы, клёны, осины, сосны, рябины* и др.), водоёмов (*река, ручей, озеро*), небесных светил (*луна, месяц, солнце, звёзды*); природных временных циклов (*зима, весна, осень, лето, ночь, день, вечер, утро*); погодных явлений (*ветер, вьюга, метель, гроза, буря*).

Достаточно большое место в текстах рассматриваемой группы занимают также слова, указывающие на характер освещённости окружающего пространства (*сумрак, тьма, мрак, темнота, заря*), соответствующий суточным циклам и положению небесных светил.

Наряду с названиями природных объектов, в одних и тех же текстах часто персонифицируются названия человеческих жилищ, строений, засаженных растениями участков и др. Например, в стихотворении В. Брюсова «В полях забытые усадьбы...» элементами одних и тех же ситуаций оказываются *церкви, парки, месяц*, в тексте С. Острового «Ночь» – *тополь* и *фонари*. Подобного рода комплексы широко представлены у А. Блока, Б. Ахмадулиной, Э. Асадова и других авторов. Все они могут служить подтверждением того, что предосновой персонификации в подобных случаях является не семантика персонифицируемых объектов, обуславливающая их распределение по тематическим группам, а их совместное положение в наблюдаемом пространственном окружении.

Приём олицетворения в текстах с множествами объектов, как и в текстах монообъектного характера, может сочетаться с уподоблением представителям фауны (ряд стихотворений С. Есенина, у Э. Асадова, В. Цыбина и других авторов). В тексте В. Цыбина «На заре», наряду с образом шастающего босиком ветра и земли, выпрашивающей у небес росы, представлен образ подобной беркуту ночи (*ночь, как беркут, поджав крыло, / улетает стеречь Тянь-Шань*) и дня, который выступает в роли птенца (*я бы слушал на зорях степь, / как проклёвывается тихо день*). В тексте Э. Асадова «Сон в вешнюю ночь (маленькая поэма)» олицетворение одних объектов сочетается с зоонимизацией других: *ветер жуёт сиреневый куст, / словно грибастенький жеребёнок; туча..., как кит проплывает над небосклоном; салатное здание у киоска..., гуляет с белянкой шустрой москвой*.

Приписываемые объектам исходной сферы метафорически выраженные предикаты носят регулярный характер; наиболее частыми признаками подвергающихся переосмыслению объектов-нелиц оказываются такие, как внешний вид, звучание, характер движения и др. В некоторых случаях установка на выражение человеческих отношений обуславливает появление у персонифицируемых объектов специфических предикатов, которые реально относятся только к сфере источника и не опираются на какие-либо аналогии в объектах исходной сферы. Это предикаты, связанные с говорением, готовностью к сочувствию, к сопереживанию, воздействием на другие объекты и т. п.

Направленность метафоризации в текстах с несколькими объектами в главном остаётся той же, что и в текстах, где персонификации подвергается один объект. В этом плане полиреферентные тексты можно уподобить комплексам, включающим в себя метафорические звенья, распространённые в текстах монообъектного характера. Метафоричность подобных текстов часто приобретает специфические формы организации, что позволяет объединять их в текстотипы. Это касается и тематики, и «человеческих» ролей нескольких объектов-нелиц, и типов моделирования человеческих ситуаций, где разные объекты наделяются свойствами активных деятелей и субъектов, подвергающихся воздействию.

К числу наиболее распространённых тексто- и жанротипов принадлежит такой, в котором в качестве исходной области тропа, составляющей его опорный смысловой план, выступает картина природы, в которой изображение атрибутов земной и небесной сфер оказывается приуроченным ко времени суток или поре года. Это наглядно показывают представленные в одних и тех же текстах наборы ключевых слов: *день, лес, река* (С. Есенин «Ночь»); *трава, вечер, день, сумрак, небо, ветер* (С. Есенин «Голубень»); *ночь, деревья, листья, струи реки* (Н. Матвеева «В детстве»); *солнце, лопухи, подорожник, одуванчик, вечер, облака* (Н. Матвеева «Лето»); *вечер, деревья, ветер, ночь, травы, цветы* (Э. Асадов «Ночная песня»); *закат, тополь, верба, ветер, мрак* (Э. Асадов «Сон в вешнюю ночь»); *рассвет, рябинка, ветерок, заря, день* (Э. Асадов «Подмосковный рассвет»); *март, пурга, мороз* (С. Островой «Как мороз баню топил»); *вечер, ветер, сумрак* (В. Брюсов «Грустный вечер»); *ночь, месяц, ветер, тучи, тень, сумрак* (В. Брюсов «В прятки»); *вьюга, лес, месяц* (С. Есенин «Пушистый звон и руга...»); *зима, лес, облака* (С. Есенин «Поёт зима – аукает...»).

Тема «время года или суток» оказывается в подобных текстах доминантной, а «человеченное» состояние или поведение других объектов даётся в соответствии с определённым периодом времени. Так, тема ночи определяет описание других реалий как спящих, дремлющих и т. п. Например, в стихотворении А. Блока «И опять снега» в этой роли выступают звёзды: *Над пустыней здеиных мест / Дремлют две звезды...* В тексте С. Есенина «Ночь») уходящий день уподобляется уставшему за день человеку (*Усталый день склонился к ночи*), а олицетворение других объектов связывается с их состоянием, навеваемым ночной тишиной (*Плывёт задумчиво луна; ...тёмный лес, склоняясь, дремлет; Ласкаясь, шепчется река*). Роль «спящих» и «дремлющих» в текстах может распространяться и на понятия, иницирующие подобные состояния, например ночь или вечер. В этом можно усмотреть своего рода метонимизацию.

Теме утра соответствует изображение «поведения» природных объектов как пробуждающихся. Например, в тексте С. Есенина «С добрым утром») в качестве пробуждающихся ото сна предстают берёзы (*Улынулись сонные берёзки, / Растрепали шёлковые косы*) и крапива (*У плетня заросшая крапива / Обрядилась ярким перламутром / И, качаясь, шепчут шаловливо: «С добрым утром!»*). Данному времени суток соответствует и «поведение» звёзд, для которых утро – пора перехода ко сну (*Задремали звёзды золотые*).

Нескольким природным объектам может приписываться и навеваемое соответствующим временем суток эмоциональное состояние. Так, в тексте В. Брюсова «Грустный вечер» вечер с ветром наделяются способностью думать, грустить: *Грустный сумрак, грустный ветер, шелесты в дубах. / Вспоминает вечер о далёких снах.*

Тексты рассмотренной серии носят преимущественно описательный характер, в них преобладает установка на передачу физического или эмоционального состояния.

Другой из распространённых текстотипов представлен текстами динамического характера, в которых тематически и грамматически доминирующими оказываются псевдолица, которые наделяются функцией активных деятелей, а зависимыми те, которые выполняют роль объектов воздействия со стороны первых.

В роли деятелей чаще выступают активные силы природы (ветер, тучи, гроза), которым подобная функция присуща изначально. Обычно они наделяются ролями воинов, работников, участников танцев, ритуальных действий и т. п. Так, в тексте Л. Татьяничевой «Мороз и ветер», названия данных стихий выступают в роли активных деятелей, а в роли объектов воздействия – названия деревьев. Новый, собственно тропеический смысл данного текста заключается в воссоздании человеческой ситуации воспитания, заботы взрослых о детях: *Деревья напрягают силы, – / Не малы. / Но и не слабы! / Стволы упруги, / гибки ветви. / Землёй согреты корни их. / ...Так пестуют мороз и ветер / Братишек младшеньких своих.*

В тексте Л. Татьяничевой «Листождёр» моделируется ситуация пляски: *Рябины, просытаясь спозаранку / И убежав из сумрачных дубрав, / Танцуют с листождёром сербянку, / Тугие кисти шалей разматав.*

Показательно, что ролью активных деятелей могут наделяться природные объекты, номинаторы которых изначально не заключают в себе сем действия, например луна и т. п.

В стихотворении С. Есенина «Даль подёрнулась туманом...» в роли действующего лица вместе с вечером выступает луна: *Даль подёрнулась туманом, / чешет тучи лунный гребень. / Красный вечер за куканом / Расстелил кудрявый бредень.*

В тексте Н. Матвеевой «В детстве» функцией «деятеля» наделяется ночь: *Ночь деревья по небу размазала, / Как ребёнок – слёзы по лицу.*

Такие примеры можно расценивать как результат привнесения в тексты элементов человеческих ситуаций без опоры на семантику базовых, исходных объектов.

Влияние традиционных ассоциаций прослеживается в тексте Э. Асадова «Ночная песня», где ночь принимает на себя роль человека, готовящего своё жилище к ночлегу. Её действия включают занавешивание окон (*Это в чёрных одеждах шагнула ночь / И развесила мрак, как густую пряжу*), включение освещения (*Ночь бесшумно созвездья вверх включила / И большую оранжевую луну*) и др. В данном тексте можно усмотреть характерный для русской поэтической картины мира факт моделирования природного окружения в соответствии со структурой локуса «дом, жилище». На этой ассоциации основывается ряд стабильных метафор типа *звёзды – лампы* и т. п.

Для текстов действенного, динамического характера показательным является обыгрывание моделирующих разные виды трудовой деятельности сценариев. Наиболее часто используются модели сценариев, связанных с сельскохозяйственным трудом, приготовлением пищи, работой по благоустройству, строительству жилищ и т. п.

В стихотворении С. Есенина «Голубень» метафорически обыграны фрагменты ситуаций сбора плодов (*Трава поблекшая в расстеленные полы / Сбирает медь с обветренных ракут*) и ухода за домашними животными (*За ровной гладью вздрогнувшее небо / Выводит облако из стойла под уздцы*) и др. Элементы ситуации сбора даров природы имеются и в тексте С. Острового «Весна», где наступление весны описывается в традициях мифа как результат «деятельности» персонажей, в роли которых выступают силы природы и обитатели леса: *Зацепилось солнце за сосну, / Уронило в снег / лучей / охапку, / Проходил медведь, сложил их в шапку...*

В текст стихотворения Э. Асадова «Осенние строки» включён фрагмент ситуации приготовления пищи: *Тучки. Качаясь, плывут, как лодки, / В саду стало весело от рябин, / А бабушка-ель на пне-сковородке / Жарит румяный солнечный блин.*

Развёрнутый сценарий, воспроизводящий типичные занятия сельских жителей в зимнюю пору представлен в тексте С. Острового «Как мороз баню топил», где зима описывается как затворница, схоронившаяся от непогоды в тереме, пурга – как крутящая мельницу, а мороз – как «работник» построивший баню и заготавливающий дрова: *Дров-то нужен не малый воз. / Он такого / напустит / пара, так поддаст – только лес трещит / От малинового угара.*

Характер «труда» природных стихий находится в соответствии с изображаемой картиной. Так, в тексте С. Ботвинника «Под чистым снегом жёлтая вода...» (69), где представлен городской пейзаж, объектами воздействия стихий выступают город Петербург, его парки, река Нева: *Морозы засучили рукава / и за ночь целый город побелили; Как будто накрахмалена Нева; Сугробы в парках – шапки набекрень.* Здесь присутствуют фрагменты сценария труда по благоустройству города.

Помимо сценариев труда, в некоторых полиреферентных текстах используются сценарии иного рода, например похищения, игры и др. Так, в тексте стихотворения Н. Матвеевой «Чужой» моделируется сценарий отторжения недобрыми людьми детей от матери.

В роли природных персонажей-лиц здесь выступают солнце (мать), яблоки-падунцы (дети), аллея, луна (силы зла): *Десяток яблок-падунцов аллея спрятала в рукав. / Внутри плодов – как будто тень, и солнцу трудно их / Узнать. / Так откатившихся детей не узнаёт родная мать / Пока в неведомом краю заря блуждала в царстве сна. / В ночи на сторону свою перетянула их луна.*

Человеческая ситуация, связанная с нарушением привычного течения событий, обыгрывается и в тексте В. Брюсова «В прятки», где картина разгула стихий (пляски веток и молний, приближение друг к другу движимых чувством взаимной симпатии домов, бегства разбитых громом в сражении туч и др.) «объясняется» проделками сына-сумрака, который решил подтрунить над месяцем – любовником его матери ночи. В данном тексте вырисовываются два информационных уровня: первый, связанный с моделированием отношений родства, и второй – действия «раскурлесившихся» стихий, которые вышли из повиновения. Показательно, что здесь оказываются «собранными воедино» сразу несколько характерных для антропо-метафоричных текстов направлений образного осмысления.

В числе текстов, основывающихся на антропной метафоре, немало таких, в которых, помимо подвергающихся персонификации объектов, участвуют Я-субъекты. При этом между псевдолицами и Я-субъектами возникают отношения разного рода контекст-партнёрства, связанного с отношениями родства, дружбы, любви и т. п. Для выражения подобных отношений используется достаточно определённый набор приписываемых псевдолицам предикатов, в основе которых лежат устойчивые представления о природе как принимающей то или иное участие в жизни людей: природные объекты выступают как испытывающие эмоции, созвучные эмоциям лирических героев, выражающие сочувствие, дающие советы, встречающие, провожающие и т. п. Например, в тексте С. Есенина «Туча кружево в роще связала...» невесёлые размышления путника «находят отклик» у елей, наблюдаемых по сторонам дороги: *Пригорюнились девушки-ели, / И поёт мой ямщик на-умяк: / «Я умру на тюремной постели, / Похоронят меня кое-как».*

В тексте этого же автора «Сонет» природные объекты (*волна, серп луны*) предстают не только как сопереживающие лирическому герою, но и как успокаивающие, оказывающие благотворное влияние: *Сказала мне волна: «Напрасно мы тоскуем», – / И, сбросив свой покров, зарылась в берега, / А бледный серп луны холодным поцелуем / С улыбкой застудил мне слёзы в жемчуга.* В тексте А. Белого «Шоссе» в аналогичной роли выступает ветер: *Уж ветер в расстёгнутый ворот / Прохладой целует меня; Уставился столб полосатый / Мне цифрой упорной в лицо.* В стихотворении А. Блока «Тишина цветёт» в роли целующей, обнимающей выступает вода.

Изображение натурфактов как провожающих или встречающих нередко сопровождается приписыванием им соответствующих жестов. В стихотворении С. Есенина «Я снова здесь, в семье родной...» в такой роли выступает сумрак: *Кудрявый сумрак за горой / Рукою машет белоснежной.* В таком же ключе описывается тень в есенинском стихотворении «О товарищах весёлых...»: *Под окном от скользких елей / Тень протягивает руки.*

Среди текстов отмеченного типа немало и полиреферентных, т. е. таких, в которых контекст-партнёрами лирического субъекта становятся несколько природных объектов, которым приписывается одна общая функция.

Персонификация, основывающаяся на представлении о природе как о помощнике и «соучастнике» характерна для текстов Р. Рождественского на темы семьи и семейных отношений. Коммуникативное своеобразие подобных текстов заключается в том, что, кроме Я-субъекта, здесь могут присутствовать вторые и третьи лица. Так, в тексте «Если разозлишься на меня...» автор делает природные объекты своими союзниками: *Слохои полярного огня / вспыхнут озабоченно. / Подползут, чтоб вымолить / «прости!»; Горькими / иголками / звеня, лес / тебе поклонится; Горы упадут к твоим ногам, / ледниками звякая и т. д.* Описание «поведения» природных объектов связано здесь с эффектом гиперболизации.

Сходная ситуация, определяющая аналогичную направленность персонификации природы, описана и в стихотворении С. Острового «У тебя бывает ощущение...». Как и в тексте Р. Рождественского, описание «поведения» разных натурфактов служит своеобразным фоном для изображения силы чувств влюблённых: *... Солнце просит у людей прощенья, / Словно кто-то в этом виноват?..; ...убыстряют полюсы вращенье, / чтоб на нас напасти на напасть.* Основой такого рода приёма является традиционное представление о могуществе и «всесилии» природы, которое выливается в приписывание ей способности совершать невозможное.

Олицетворение нескольких натурфактов в текстах с выраженным Я-субъектом может основываться и на архетипической ассоциации «природа – мудрый учитель, воспитатель». В основе персонификации природы в подобных текстах лежит устойчивое представление о её совершенстве т. е. качестве, которого недостаёт человеку и обществу. В стихотворении В. Цыбина «Всю жизнь учусь у всех...» в качестве «учителей» выступают пурга, огонь, тишь, земля, в то время как лирический герой принимает на себя роль ученика: *И согреть, и жечь / учусь я у огня; недвижности тепла учусь у тиши; спокойствию корней / учи, земля.*

Выводы

Проведенный анализ позволяет отметить, что в серии полиреферентных текстов основное место занимают такие, в которых в роли персонифицированных референтов выступают наименования природных объектов: растений, небесных светил, временных циклов, погодных явлений, связанных с природными стихиями. Показательно частое использование слов, указывающих на характер освещённости окружающего пространства в соответствии с суточными ритмами и положением небесных светил. Именно такие наименования наиболее часто образуют связанные между собой по смыслу группы, выступающие в роли текстовых доминант.

Содержание большей части текстов составляют пейзажи, которые, благодаря приёму олицетворения, «оживают» и из статичных превращаются в динамичные: персонифицированные природные объекты грустят, размышляют, совершают определённые действия. В один из текстотипов включаются тексты, в которых группы персонифицируемых объектов оказываются вне зависимости друг от друга; их поведение или состояние является общим, детерминируемым единством места или времени.

Другому текстотипу принадлежат тексты, где персонифицируемые природные объекты оказываются «неравноправными»: одни выступают в роли деятелей, а другие – в роли объектов воздействия. В функции субъектов обыкновенно выступают содержащие семы активного действия наименования природных стихий. Однако носителями подобной функции часто являются и «неактивные» персонажи, номинаторы которых принадлежат к группам «времена суток» и «небесные светила».

Динамичный характер полиреферентных текстов находит проявление в развёртывании их содержания по моделям сценариев, среди которых основное место занимают сценарии труда: благоустройство, приготовление пищи и т. д.

Множественность объектов персонификации характерна и для текстов с выраженными Я-субъектами и другими персонажами, с которыми наделяемые качествами лиц природные объекты вступают в отношения контекст-партнёрства. При этом группам природных объектов часто приписывается одна общая функция: сопереживания, сочувствия, оказания помощи и т. п.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что основу генерации тропов-олицетворений в тексте составляет не подобие отдельных объектов лицам, а целостные образы ситуаций, связанных с определёнными моделями поведения людей. Об этом свидетельствует регулярный характер принадлежащих зоне источника сценариев и возможность распространения функции деятелей на природные объекты, изначально не содержащие сем активного действия. В то же время нельзя отрицать, что на характере метафоризации совершенно не сказываются особенности зоны-отталкивания. Например, созданию метафорического комплекса *ночь – мать, сумрак – сын* в в ранее цитируемом тексте В. Брюсова способствовало наличие между ночью и сумраком причинно-следственной связи: сумрак – это закономерное следствие ночи (метафорически – её порождение).

Литература

1. Баранов, А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–94.

Summary

This article deals with an investigation of Russian poetic texts based on personification on several objects. The author studies the ways of metaphoric transference and describes the types of texts.

Поступила в редакцию 13.10.08.